

А. В. Степанов

Тверской государственный университет, магистрант

Научный руководитель: д.ф.н. Н.Ф. Крюкова

ИНТЕРТЕКСТ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «GENERATION П» И ЕГО АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Проза Виктора Пелевина как представителя постмодернизма в литературе характеризуется большим количеством интертекстуальных включений. Многие из этих включений являются национально-культурно окрашенными и представляют переводческую проблему. В статье рассматриваются переводческие решения в отношении национально-культурно маркированных элементов интертекста.

Понимание интертекста является одним из ключевых моментов как непосредственно при переводе, так и при восприятии уже переведенного текста. В то же время возможность полноценного и сколько-нибудь точного перевода основной части иноязычных интертекстуальных включений, принадлежащих к другим культурам, является крайне ограниченной. Часто переводчику приходится прибегать к аналогичным, но все же совершенно иным интертекстуальным включениям в языке перевода. В результате разница между текстами оригинала и перевода становится все больше. К отличиям лингвистическим прибавляются отличия культурные, что еще значительно влияет на возможность верной интерпретации художественного текста. Интертекст усложняет процесс перевода, превращая его из относительно «простой» передачи информации на другой язык в настоящий труд по интерпретации исходного текста.

В основе своей любой текст является интертекстом, так как он неизбежно связан с предшествующими текстами, элементы которых составляют его смысл, функцию и ценность [Graham 2000]. Эти интертекстуальные связи могут иметь как вполне очерченные формы (аллюзии, пародии, цитаты), так и быть более тонкими, скрытыми. Отсылки к предыдущим текстам могут проследиваться, например, в виде жанровых паттернов. Сама интертекстуальность предполагает существование определенной культурной, литературной и лингвистической традиции, идущей от предшествующих текстов [Stewart 1980: 1227-1154]. Читатель, чтобы распознать интертекст, должен обладать не только когнитивной базой, т. е. знаниями культуры и литературы, но и понимать, какое упомянутая выше традиция занимает в текста, и в то же время – какое место читаемый им текст занимает в ней. То, что Сьюзан Стюарт писала об аллюзии, может быть применено к интертексту в целом: аллюзия очерчивает не только отношение текста к традиции, но и круг читателей, способных получить доступ к данной традиции. Таким образом, интертекстуальность определяет социальные и культурные условия

восприятия текста, апеллируя к знаниям и компетенциям реципиента или констатируя их отсутствие.

Сам перевод представляет собой уникальный пример интертекстуальности, включая в себя три вида интертекстуальных отношений:

1) отношения между текстом оригинала и предшествующими ему текстами, существующими на языке оригинала или других языках;

2) отношения между текстом перевода и текстом оригинала непосредственно. Такие отношения традиционно рассматриваются через призму эквивалентности первого второму;

3) отношения между текстом перевода и предшествующими текстами, которые могут быть написаны на языке оригинала, перевода или других языках [Venuti 2009: 158].

С точки зрения переводчика эти три вида отношений не всегда имеют четкие границы, а скорее представляют собой комплексную систему, в рамках которой перевод может как терять, так и приобретать определенные стилистические, дискурсивные, лексические, синтаксические, графемические и другие аспекты, что так или иначе неизбежно происходит в процессе перевода. Пытаясь создать эквивалентный оригиналу перевод, переводчик старается воссоздать (не передать, а именно воссоздать) интертекстуальный аспект оригинала. Разумеется, в таком случае возрастает риск, что различие между оригиналом и переводом станет более значительным, так как переводчик будет ссылаться не на зарубежную, а на свою традицию, традицию языка перевода. Однако сама идея воссоздания интертекста неизбежно подразумевает этот процесс. Лоренс Венути предлагает рассматривать интертекст с переводческой точки зрения не просто как вербальную связь текстов, но как интерпретацию, которая в процессе перевода может полностью изменить как текст оригинала, так и его когнитивную базу. В переводе интертекстуальность нуждается в интерпретации не просто с точки зрения связи оригинального текста с его культурной традицией, но с точки зрения того, как в переводе в рамках принимающей культуры зафиксировать смыслы, содержащиеся в исходном тексте. Таким образом, перевод интертекста требует понимания переводчиком процесса интерпретации читателем текста перевода.

Рассмотрим ряд примеров из английского перевода романа Виктора Пелевина «Generation „П“». Являясь примером постмодернистской литературы, роман дает прекрасный источник для примеров интертекстуальных включений.

В самом простом случае интерпретационной работы переводчика вообще не требуется:

– *Вечный вопрос, – засмеялся Морковин. – Тварь ли я дрожащая или право имею?*

<...>

– *А очень просто. Тварь дрожащая, у которой есть неотъемлемые права.*

'It's Dostoevsky's old eternal question,' Morkovin said, laughing. 'Am I a timid cowering creature or have I got moral rights?'

<...>

'It's very simple. I'm a timid cowering creature with inalienable rights.'

Проза Достоевского чрезвычайно широко известна западному читателю. Об этом говорит, например, голосование на крупнейшем англоязычном сайте рейтингов, в котором приняло участие около 170000 человек, и где Ф.М. Достоевский находится на третьем месте в списке величайших писателей в истории, уступая только У. Шекспиру и Л. Н. Толстому [Ranker: URL]. Даже несмотря на разный культурный контекст в обеих (русско- и англоязычной) лингвокультурных базах «Преступление и наказание» воспринимаются примерно одинаково, учитывая универсальные для всех культур тематику и идеи его произведений. Как писал Н.А. Бердяев, «Ф. Достоевский – характерно русский, до глубины русский гений, самый русский из наших великих писателей и вместе с тем наиболее всечеловеческий по своему значению и по своим темам» [Бердяев 2005: 9-10].

Другим относительно простым примером перевода интертекстуального включения являются универсальные прецедентные феномены, происходящие либо из всемирного культурного наследия или же такие, которые настолько уже укоренились в массовой культуре, что потеряли свою национальную окраску.

Первый случай — перевод цитаты из Библии:

Белая пачка с легкими золотыми буквами и текст:

Во многих мудрости много печали, и умножающий познания умножает скорбь. Davidoff Lights.

A white pack with slim gold letters and the text: 'FOR IN MUCH WISDOM IS MUCH SORROW AND HE WHO INCREASES KNOWLEDGE INCREASES GRIEF.' DAVIDOFF LIGHTS

Конечно, стоит учитывать, что в разных культурах одна и та же цитата из Библии может иметь разное значение. Например, в США Библия на протяжении многих лет является центральным текстом лингвокультурной базы, так как именно на ней изначально и строилась идентичность этого государства [Noll: URL]. В России же, несмотря на

огромную значимость христианства, Библия скорее «встраивалась» в уже существовавшую на тот момент на протяжении многих лет культуру.

Однако в данном случае эти различия не представляются нам релевантными, учитывая контекст данной цитаты. Сам факт использования библейской цитаты в рекламе сигарет высмеивает и сводит на нет значимость источника, что является типичным постмодернистским приемом.

Второй пример относительной универсальности прецедентного феномена относится к элементу массовой культуры, который хоть и происходит из англоязычной лингвокультурной базы, сейчас вряд ли сохраняет свою национальную окраску:

Там Татарского ждало несколько молодых людей. Главным был небритый парень по имени Сергей, похожий на Дракулу в юности.

Several young men were waiting there for Tatarsky. Their leader was a stubble-cheeked guy by the name of Sergei, who looked like Dracula in his younger days.

Как мы видим, перевод здесь не представляет никаких проблем в виду универсальности прецедентного феномена.

Рассмотрим теперь перевод с учетом особенностей принимающей культуры на примере очередного рекламного слогана из романа:

Sico. «БМВ» в мире гандонов.

Sico. A Porsche in the world of condoms.

Здесь уже переводчик как нельзя лучше учел лингвокультурный контекст обеих культур. В России 90-х годов, о которых и идет речь в романе, автомобиль БМВ представлял собой мифологему надежности и показателя состоятельности. Собственно говоря, именно данная «народная мифологичность» и позволяет нам отнести слоган к интертекстуальным отсылкам, хотя он и не ссылается на какой-то конкретный текст.

По всей видимости, в родном лингвокультурном поле автора перевода автомобили марки Порше больше соответствуют имплицитным качествам.

Следующим возможным способом работы с элементом интертекста при переводе является пояснение.

О русской идее здесь напоминало только блатное обращение «россияне».

The only thing in all this that reminded Tatarsky of the Russian idea was the use of Yeltsin's favourite phrase: 'Fellow compatriots'.

Источник такого обращения, очевидный для русскоязычных читателей, будет совершенно не ясен читателю англоязычному. Здесь опять же можно говорить о разнице восприятия фигуры Б.Н. Ельцина в разных культурах, однако общие черты образа в обоих случаях совпадают.

Так как такое пояснение не является комментарием и не вынуждает читателя переходить по сноске и отвлекаться от повествования, такое переводческое решение (при отсутствии альтернатив) можно назвать удачным с точки зрения динамической эквивалентности.

Последним рассмотренным нами примером будет так называемый «нулевой» перевод.

Татарский вздрогнул – перед ним стоял его однокурсник по Литинституту Сергей Морковин. Когда-то он был одной из самых ярких личностей на курсе и сильно косил под Маяковского – носил желтый свитер и писал эпатажные стихи.

Tatarsky started in surprise - the customer was a fellow student from his year at the Literary Institute, Sergei Morkovin, one of the outstanding characters of their year.

Даже будучи знакомым с переводами творчества В.В. Маяковского на английский язык, англоязычный читатель вряд ли осведомлен о таких подробностях из жизни поэта, как его манера одеваться. Тот факт, что стихи Маяковского были «эпатажными» также с большой долей вероятности будет ему не знаком. В данном случае переводчик мог бы соблюсти формальную эквивалентность и полностью перевести данный фрагмент, но, на наш взгляд, динамическая эквивалентность в таком случае пострадала бы гораздо сильнее. Читатель или просто проигнорировал бы незнакомый ему факт, или решил бы почитать про Маяковского подробнее и узнать причины для сравнения персонажа книги с поэтом. В обоих случаях цельность восприятия была бы нарушена: лишним текстом или необходимостью отвлекаться на дополнительную исследовательскую работу.

Таким образом, анализ приведенных примеров демонстрирует сложность переводческой работы в отношении интертекста, факторы, влияющие на нее, а также возможные пути решения переводческих задач.

ЛИТЕРАТУРА

- Graham A. Intertextuality. – London and New York: Routledge 2000. – 238 p.
- Noll M. The Bible and American Culture. – URL: <https://www.hbu.edu/museums/dunham-bible-museum/influence-in-history-and-culture/the-bible-and-american-culture-by-mark-noll>. - Дата обращения: 20.05.2018.
- Pelevin V., Bromfield A. Homo Zapiens. – New York: Penguin, 2003. – 324 pages.
- Ranker: The best writers of all times. – URL: <https://www.ranker.com/list/best-writers-of-all-time/ranker-books>. - Дата обращения: 20.05.2018.
- Stewart S. The Pickpocket: A study in Tradition and Allusion. – MLN, 85 (1980). – Pp.1127-1154.
- Venuti L. Translation, Intertextuality, Interpretation // Romance Studies. – 2009. – Vol. 27. – No. 3. – Temple University, Philadelphia, USA. – Pp. 157-173.
- Бердяев Н. А. Русская идея. – СПб.: 2005. – 829 с.
- Пелевин В. О. Generation "П". – М.: ЭКСМО, 2004. – 351 с.